

Правовое содержание мошенничества в сфере потребительского кредитования. Часть вторая*

М. Л. Пятов¹, В. В. Ковалев¹, Т. Г. Татаренко²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Санкт-Петербургская городская коллегия адвокатов,

Российская Федерация, 191025, Санкт-Петербург, Невский пр., 53

Для цитирования: Пятов, М. Л., В. В. Ковалев, Т. Г. Татаренко. 2025. «Правовое содержание мошенничества в сфере потребительского кредитования. Часть вторая». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 77–94. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.106>

В статье на основе анализа сложившейся в последние годы в России практики предварительного следствия и судебной практики по квалификации мошенничества в области потребительского кредитования обосновывается возможность доказывания статуса потерпевших граждан посредством проведения психолого-психиатрической экспертизы, определяющей их психическое состояние на момент совершения по отношению к ним преступных действий. Рассматривается роль должной квалификации мошенничества в сфере потребительского кредита как значимого инструмента стабилизации функционирования и устойчивого развития финансовых рынков в современной России. Показывается, что активизация социальной ответственности банковского бизнеса по отношению к клиентам является необходимым условием успешной борьбы с мошенничеством в области потребительского кредитования. Подчеркивается, что именно полностью обоснованная и законная квалификация банков как материально потерпевших в результате преступлений мошенничества, целью которых является хищение у них денежных средств, способна стать значимым фактором активного привлечения банков как профессиональных участников финансового рынка к активному противодействию данному виду преступлений. Характеризуется динамика правоприменительной практики по защите прав потерпевших от мошенничества в области потребительского кредитования граждан. Показывается, что залогом возможности должной защиты их прав в суде могут быть только надлежащая квалификация таких преступлений и определение потерпевших по ним органами предварительного следствия и судами. В качестве наиболее значимого за последнее время шага в направлении обеспечения должной защиты прав потерпевших от преступлений мошенников в области потребительского кредитования называются усилия Прокуратуры Санкт-Петербурга по определению круга потерпевших по уголовным делам о мошенничестве в сфере потребительского кредитования. Доказывается необходимость корректировки действующей судебной практики в области мошенничества в данной сфере, складывающейся в противоречии с положениями Конституции РФ.

Ключевые слова: мошенничество, кредит, потерпевший, имущественный ущерб, моральный ущерб, конституция, законность, корпорация, единство суда, инструмент совершения преступления.

* См. первую часть статьи: Пятов, М. Л., В. В. Ковалев, Т. Г. Татаренко. 2024. «Правовое содержание мошенничества в сфере потребительского кредитования. Часть первая». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 335–353. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.202>

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

1. Введение

За последние годы мошенничество в области потребительского кредитования в нашей стране приобрело характер проблемы общенационального масштаба, что стало результатом целого ряда факторов, причем не только собственно криминальной активности.

В современной России мошенничество в области обслуживания банками граждан, в первую очередь в сфере потребительского кредитования, развивается «в период появления первых банков и начала формирования кредитно-финансовой сферы, системы банковских платежей и т. д.» (Поймонова 2018, 84). Устойчиво сохраняющееся на протяжении нескольких лет положение дел позволяет утверждать, что «банковская сфера на современном этапе ее развития является одним из самых криминализированных элементов кредитно-финансовой системы» (Поймонова 2018, 84). Что же способствует столь устойчивому сохранению данной практики, в частности в области мошенничества в сфере потребительского кредита?

Противодействие преступности традиционно складывается отнюдь не только из действий законодательных и правоохранительных органов. Это утверждение особенно актуально для преступлений в сфере экономики.

В рассматриваемых нами вопросах нельзя переоценить роль банков как крупнейших профессиональных участников финансовых рынков страны, располагающих несопоставимыми по сравнению с рядовыми гражданами ресурсами, которые можно направить на противодействие преступникам.

Здесь могли бы сыграть значимую роль многие факторы: определенное усложнение (а не все большее упрощение) процедуры получения потребительского кредита (например, установление определенного временного лага между утверждением заявки на получение кредита и выдачей денежных средств); использование современных информационных технологий при выявлении «красных флажков» в движении денежных средств (например, перевод полученного кредита в течение суток с момента получения на счета частных лиц) и др. Однако подобная практика противодействия преступности может быть обеспечена только социально ответственной деятельностью банков как добросовестных участников гражданского оборота, направленной на защиту прав основной группы кредиторов, обеспечивающих их существование, — рядовых граждан.

К сожалению, этого не происходит, поскольку такая позиция попросту не выгодна банку, рассматривающему в качестве единственной своей цели в данной ситуации максимизацию прибыли или минимизацию убытков, даже если эти цели фактически противоречат конституционным правам их клиентов. При этом ресурсы банков, которые можно было бы направить на противодействие катастрофическому росту преступности, связанной с деятельностью этих банков, направляются на то, чтобы покрыть убытки от хищения средств банков за счет потерпевших добросовестных граждан, т. е. фактически на массовое принуждение потерпевших от мошеннических действий к заключению договоров кредита.

Данные усилия банков имеют успех. По всей России в последние годы результаты совершаемых преступлений по похищению у банков денежных средств массово признаются заключением сделок — договоров кредита. Эта неправомерная позиция поддерживается не только банками, но и судами.

Для банков превращение потерпевших добропорядочных граждан в «заемщиков поневоле» не только позволяет погашать убытки от похищения мошенниками средств за счет жертв преступлений, но и снижает затраты на развитие систем собственной безопасности, дает возможность охватить активностью по предоставлению кредитов те группы потенциальных заемщиков, которые по собственной воле вряд ли стали бы такими «клиентами» банка. Таким образом, мошенники открывают банкам некие своеобразные «программы кредитования потерпевших», чему банки не сопротивляются.

В этой катастрофической ситуации суды, к сожалению, исходят из сложившейся в последнее время практики приоритета прецедента при вынесении решения. Судебная практика, становящаяся в рассматриваемых случаях на защиту конституционных прав потерпевших от мошенничества в сфере потребительского кредитования (жертв, инструментов в руках злоумышленников, использующих их с целью хищения средств у банков), только начинает складываться. Груз множества дел, решенных в таких ситуациях в пользу банков, продолжает оказывать негативное влияние, зачастую лишая потерпевших граждан защиты их конституционных прав.

В аргументации банков (экономически оправданной, но очевидно комичной с позиций права) о «свободном распоряжении потерпевшими кредитными средствами», которые они якобы «желали получить», суды продолжают усматривать достаточное основание определить действия жертв преступлений, совершаемые под влиянием обмана мошенников, как свободно выраженное волеизъявление заключить кредитный договор.

Вместе с тем для изменения этой ситуации уже в настоящее время существуют все основания, закрепленные в нормах действующего законодательства. В данной статье мы продолжим обсуждение проблемы надлежащей, с точки зрения обоснованности и законности, правовой квалификации фактов мошенничества в сфере предоставления потребительских кредитов.

Мы остановимся на вопросах построения линии защиты интересов пострадавших в суде и негативного влияния на развитие рассматриваемой ситуации позиции банков как крупнейших акторов финансовых рынков страны. Также уделим внимание определенной позитивной динамике, наметившейся буквально в последнее время в области правоприменительной практики защиты конституционных прав потерпевших в мошеннических схемах в области банковского кредитования граждан.

2. Основное исследование

2.1. Требования потерпевших и определение последствий совершаемых преступлений

Как же могла сложиться очевидно противоречащая нормам действующего права судебная практика? Все рассматриваемые судами иски потерпевших содержали требование признать договор кредита между ними и банком недействительным. Согласно п. 1 ст. 166 Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ¹ (ГК) «Оспоримые и ничтожные сделки», «сделка недействительна по основаниям,

¹ Здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 7 марта, 2025. <http://www.consultant.ru>.

установленным законом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка)». Иными словами, непременным условием для признания сделки недействительной является ее заключение: чтобы сделку можно было признать недействительной, ее сначала нужно заключить. Подписывая же под влиянием обмана мошенников документы договора потребительского кредита, потерпевшие граждане сделок не совершают, ведь очевидно «существенное различие между недействительной сделкой и правонарушением: недействительная сделка... в отличие от правонарушения, не преследуется государством в лице его правоохранительных органов» (Тужилова-Орданская, Лукьяненко 2019, 522)

В чем же состоит истинное содержание происходящего? Квалификация рассматриваемых преступлений должна исходить из того, что, как отмечает В. Д. Пристансков, «криминальная деятельность как системный процесс объективируется в реальной действительности в виде целостного завершенного явления — события преступления. Важный аспект познания события преступления — это осознание и восприятие его как динамичной криминальной системы. <...> Будучи реальным явлением, событие имеет определенные закономерности своего возникновения, развития (существования) и завершения (прекращения). <...> Помимо субъекта и предмета, система включает в себя комплекс элементов: действия (поведенческие акты), их мотивацию, место и время их совершения, процессы, факты-последствия, которые в своей совокупности образуют ее целостность и обеспечивают динамику ее развития за счет возникающих между ними причинно-следственных отношений» (Пристансков 2018, 80–81).

На момент начала воздействия на потерпевшего со стороны мошенников с целью его обмана (введение в заблуждение) он очевидно не имеет намерения в получении у банка кредита и не обладает теми денежными средствами (наличными деньгами или средствами на счете в банке), которые являются целью преступных действий мошенников. Иными словами, на момент начала совершения преступления похищать у потерпевшего попросту нечего. Обманом мошенники убеждают потерпевшего в необходимости явиться в банк и подписать документы кредитного договора, заставляя поверить в то, что тем самым он будет совершать процессуальные действия, участвовать в следственном эксперименте, оказывать содействие следствию и/или службам безопасности банка, поможет поймать преступника, так как иначе выявить действия злоумышленников невозможно, и т. п. — т. е. все что угодно, кроме действительного заключения договора кредита. Таким образом, подписывая соответствующие документы, потерпевший осознает свои действия, однако, будучи обманутым, он придает им совершенно иное (внушенное мошенниками) значение. В иной ситуации, не будучи обманут злоумышленниками, он просто не явился бы в банк (или не оформил бы кредит дистанционно), так как до воздействия мошенников, до введения его в состояние заблуждения не имел намерения (воли) к совершению сделки кредита в принципе и, подписывая документы кредитного договора, был убежден, что в действительности совершает совершенно иные действия, а не заключает сделку.

По определению Я. Шаппа, здесь фактически имеет место «заблуждение в мотиве, которое впоследствии приводит к выражению [подвергшегося пороку] волеизъявления». «Другая сторона находится в неведении относительно реальных

мотивов обманывающей ее стороны, поскольку формирование воли потерпевшего происходит под влиянием обмана виновного лица» (Машинникова 2018, 430). По выражению классика отечественной цивилистики И. А. Покровского, здесь мы имеем ситуацию «разлада между волей действительной и волей изъявленной, между волей и волеизъявлением» (Покровский 1998, 245)

«Обман, — подчеркивает Н. О. Машинникова, говоря о возможности посредством введения в заблуждение сделать потерпевшего инструментом совершаемого преступления, — это использование естественных свойств человека: веры (как неотъемлемого качества интеллекта), честности (как общественного свойства личности), доверчивости (как черты характера и результата жизненного опыта), глупости (как естественной особенности мышления), недостатка образования (как следствия общественного разделения труда) и т. п. для достижения собственных целей». В связи с этим интересно определение лжи (обмана) как «овеществления человека» в работах философа М. М. Бахтина (Машинникова 2018, 429).

Задача воздействия мошенников на потерпевшего в таких случаях заключается в том, чтобы посредством обмана сделать его инструментом своего преступления: заставить потерпевшего явиться в банк, оформить соответствующий договор, получить деньги и перевести (передать) деньги им. Следовательно, фактически мошенники похищают деньги у банка, используя при этом введенного в заблуждение гражданина в качестве инструмента своих преступных действий. Неслучайно в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ (ВС РФ) от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» подчеркнута необходимость «обратить внимание судов на то, что способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве, ответственность за которое наступает в соответствии со ст. 158¹, 159, 159¹, 159², 159³, 159⁵ Уголовного кодекса РФ, являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества *или иное лицо* (курсив наш. — М. П., В. К., Т. Т.) передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом». Также в п. 2 постановления указывается, что «обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений... направленных на введение владельца имущества *или иного лица* (курсив наш. — М. П., В. К., Т. Т.) в заблуждение».

Любопытно, что еще в 1890 г. в Замечаниях к проекту Особенной части Уголовного уложения присяжные поверенные округа московской Судебной палаты к «высшей, сравнительно, степени злой воли» отнесли «обман, для осуществления которого виновный старается запастись поддержкой лица, к обману не причастного, не знающего о нем, которое, действуя исключительно в интересах блага, добра и справедливости, тем не менее содействует виновному, само того не подозревая»².

В рассматриваемых нами случаях преступные действия мошенников в отношении потерпевшего начинаются с момента его вступления в контакт с ними (посредством разговора по телефону) и заканчиваются на момент, когда потерпевший переводит деньги злоумышленникам, будучи убежден, что помогает

² Свод замечаний на проект Особенной части Уголовного уложения, выработанный редакционной комиссией. Цит. по: (Машинникова 2018, 431).

правоохранительным органам и службе безопасности банка и что он при этом не принимает на себя никаких обязательств по договору кредита. В действиях потерпевшего — подписании кредитного договора с банком и переводе денег мошенникам — явно отсутствует свободное, осознанное волеизъявление. Потерпевший не совершает сделки. Будучи введен в заблуждение относительно истинного содержания своих действий, он является инструментом в руках злоумышленников — не осознает истинных последствий своих действий, находясь под воздействием методов социальной инженерии (Головин, Головина 2021).

Таким образом, используя обманутого гражданина, мошенники похищают денежные средства у банка, в результате чего банку наносится имущественный ущерб в размере выданной гражданину суммы денежных средств, а гражданину — моральный ущерб, психологическая травма, связанная с использованием в качестве инструмента совершаемого преступления вопреки его воле.

В данном случае действия преступников должны квалифицироваться как мошенничество в соответствии со ст. 159 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (УК), т. е. «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием», поскольку мошенники совершают хищение имущества банка путем обмана потерпевшего гражданина, фактически используя его как инструмент совершаемых преступных действий, а в действиях потерпевшего усматривается порок его собственной воли.

Вместе с тем, основываясь на формальной трактовке положений ст. 159 УК, полиция и суды квалифицируют данное преступление как мошенничество, совершенное по отношению не к банку, а к гражданину, находившемуся в момент оформления документов на получение кредита под воздействием обмана преступников. В результате, как мы отмечали выше, понесшее имущественный ущерб в результате совершенного мошенниками преступления лицо — банк — не включается в состав потерпевших в соответствующих постановлениях следствия.

Такая трактовка, являясь необоснованной и незаконной, искусственно, в противоречии с истинным положением дел, разделяет одно преступление (длящееся с момента начала контакта злоумышленников с потерпевшим гражданином до момента перевода им полученных в банке средств), относимое ст. 159 УК к мошенничеству, на две составляющих: 1) якобы добровольное заключение гражданином договора кредита с банком; 2) преступное хищение у гражданина полученных в банке средств. Эта трактовка полностью искажает действительное содержание данного преступления, состоящего в хищении денежных средств у банка посредством применения к потерпевшему гражданину психофизического воздействия, делающего его инструментом в руках преступников.

Подчеркнем, что, подписывая договор кредита, обманутый мошенниками гражданин не совершает сделки, поэтому у него нет никаких оснований (а вместе с тем и никакой необходимости) подавать иск в суд о признании подписанных им документов недействительной сделкой. С. М. Оленников отмечает:

Возможно, действующие нормы ГК, относящие сделки под влиянием обмана к категории оспоримых, основаны на представлении о том, что при их совершении нарушается лишь частный интерес. С этим можно согласиться, но с оговорками. Дело в том, что порочащий сделку обман, если он становится способом совершения преступления, переводит совершение сделки в публичную сферу действия уголов-

ного права. <...> Поэтому если передача имущества, внешне напоминающая сделку, образует состав преступления против собственности, то такой имущественный оборот — предмет регулирования уголовного права. Уголовно-правовой запрет мошенничества, равно как и других форм хищений, «уничтожает» гражданско-правовую сделку, оформляющую совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и обращение чужого имущества запрещенными УК способами. <...> Вряд ли есть основания утверждать, что безвозмездная передача имущества после требования, подкрепленного демонстрацией оружия (разбой), выступает договором дарения, хотя и совершенным под влиянием угроз, но действительным с точки зрения гражданского права (Оленников 2018, 390–391).

Неслучайно в п. 50 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» специально указано:

По смыслу ст. 153 ГК при решении вопроса о правовой квалификации действий участника (участников) гражданского оборота в качестве сделки для целей применения правил о недействительности сделок следует учитывать, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, гражданско-правовой договор, выдача доверенности, признание долга, заявление о зачете, односторонний отказ от исполнения обязательства, согласие физического или юридического лица на совершение сделки).

При этом в Определении Конституционного Суда РФ (КС РФ) от 26.10.2021 № 2179-О подчеркивается:

Суды, исследуя фактические обстоятельства конкретного дела, должны отграничивать правомерную экономическую деятельность и возможные гражданско-правовые нарушения при ее осуществлении от собственно общественно опасных уголовно-противоправных деяний против собственности.

На квалификацию подписанных потерпевшим гражданином документов кредитного договора как результата совершенного обманувшими его мошенниками преступления не должно влиять и отсутствие нарушения законодательства в действиях работников банка. Добросовестные и законопослушные работники банка, оформляющие в таких случаях документы кредитного договора и выдающие потерпевшему (или переводящие на счет потерпевшего) денежные средства, также становятся жертвами мошеннического обмана. Убеждая потерпевшего явиться в банк и оформить документы кредитного договора или сделать это дистанционно в онлайн-режиме, мошенники внушают ему якобы в интересах следствия, служб безопасности и т. п. никак не выдавать себя перед сотрудниками банка. Поэтому обманутый мошенниками гражданин, наоборот, старается вести себя в банке так, чтобы не вызвать ни малейших сомнений в подлинности своих намерений получить кредит.

Можно ли в таком случае квалифицировать передачу (перевод) полученных от банка денежных средств похищающим их злоумышленникам как «распоряжение этими деньгами по своему усмотрению»? Конечно же нет! Получение наличных в кассе банка в данном случае представляет собой лишь фактическое завладение ими под действием обмана злоумышленников. Наличные деньги, относясь к вещам

(ст. 128 ГК), выступают объектами права собственности. Согласно ст. 209 ГК, распорядиться имуществом по своему усмотрению на законных основаниях может только его собственник. Согласно п. 2 ст. 218 ГК, «право собственности на имущество, которое имеет собственник, может быть приобретено другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества», в том числе договора кредита. Однако в данном случае потерпевший не совершает никакой сделки. Будучи обманутым мошенниками, не осознавая истинного содержания своих действий, как и работники банка, он фактически выполняет волю мошенников.

Аналогично безналичный перевод средств мошенникам мог бы быть признан распоряжением ими потерпевшим по своему усмотрению только в случае соответствия этих действий не только условиям договора банковского счета (ст. 845 ГК), но и сделки цессии (ст. 388 ГК). Но обманутый преступниками потерпевший, действуя в их интересах, и в этом случае никакой сделки не совершает. Именно на определяемые положениями ст. 153 ГК характеристики сделок как «осознанных, целенаправленных, волевых действий лиц, совершая которые они ставят цель достижения определенных правовых последствий» и указывают судебные определения, решающие соответствующие дела не в пользу потерпевших, обращающихся за защитой своих законных интересов³.

2.2. Позиция банков

Обратим внимание и на позицию банков, которую они занимают в рассматриваемых делах. Как отмечают А. Л. Репецкая и Л. А. Петрякова, степень уязвимости банковской сферы для преступных действий мошенников в современной отечественной экономике связана не только с недостаточностью действенных механизмов ее правового регулирования, но и с «сокрытием банками реального состояния дел в сфере подверженности преступным посягательствам» (Репецкая, Петрякова 2022, 62). Подчеркнем, что, в отличие от потерпевших граждан, банк является профессиональным участником рынка кредитных услуг, обладающим несоизмеримыми, по сравнению с гражданами, возможностями управления рисками мошенничества и ответственностью, подтверждаемой выданной ему лицензией на осуществление банковской деятельности. И вот, вместо сотрудничества со своими клиентами, ставшими жертвами преступлений, направленных на хищение средств банка, инициирования внутреннего расследования и принятия мер по повышению уровня защиты своих клиентов от мошеннических действий, банк, оспаривая иски потерпевших в защиту своих конституционных прав, указывает примерно следующее:

Заклучив Договор, Вы подтвердили, что ознакомлены, понимаете и согласны со всеми условиями и приняли на себя определенные Договором обязательства. Односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий, действующим законодательством не допускается. Наличие Вашего обращения в правоохранительные органы не освобождает Вас, как заемщика, от платежей по Договору⁴.

³ См., напр.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08.12.2022 № 88-30069/2022 по делу № 2-1531/2022.

⁴ Из ответа Банка ВТБ (ПАО) потерпевшему по уголовному делу № 12201400009005596 от 17.12.2022, Санкт-Петербург.

Безусловно, данная позиция банка означает перекладывание на потерпевших по таким уголовным делам, законопослушных граждан, которым причинен существенный моральный ущерб, имущественной ответственности по возмещению убытков от похищения у банка мошенниками денежных средств. Получается, что вместо дополнительных затрат на управление собственными рисками и защиту интересов своих клиентов банки предпринимают значимые усилия для покрытия убытков за счет средств пострадавших граждан.

Выше мы уже обращали внимание на реализуемую банками практику психологического воздействия на потерпевших граждан, направленную на принуждение к выполнению условий договора кредита, которого фактически потерпевшие лица не заключали. В случае отсутствия успеха таких мероприятий банки переходят к предложениям о «реструктуризации долга», фактически представляющего собой увеличение срока кредита при незначительном снижении процентной ставки, сохраняющем итоговые прибыли банка даже с учетом фактора временной ценности денежных средств.

Следовательно, фактически банки предлагают видеть в преступлениях в отношении потерпевших граждан гражданско-правовые сделки, приравнивая хищение у себя денежных средств к самостоятельному распоряжению ими потерпевшими гражданами. Банки апеллируют к заключению якобы «кредитных договоров» в присутствии истца так, как будто присутствие лиц, в отношении которых совершаются преступления, при осуществлении этих преступлений делает жертвы ответственными за их (преступлений) последствия.

Таким образом, скорее всего, Банк ВТБ (ПАО) видит в преступлении в отношении потерпевшего гражданина-истца гражданско-правовые отношения между ним и преступниками, в рамках которых «потерпевший вправе обратиться к преступникам с самостоятельным гражданско-правовым иском». Приравнивая хищение у себя денежных средств, инструментом которого стал потерпевший гражданин-истец, к «самостоятельному распоряжению» собственным имуществом, банк апеллирует к заключению якобы «кредитных договоров» в присутствии истца так, как будто присутствие лиц, в отношении которых совершаются преступления, при осуществлении этих преступлений делает жертвы ответственными за их (преступлений) последствия.

Данная позиция банков требует серьезной оценки посредством экономической экспертизы мошенничества в кредитно-финансовой сфере (Гаджиев и др., 2020). Однако самое печальное здесь заключается в том, что банк в этих «возражениях» указывает на «актуальную» судебную практику, последовательно решавшую такие дела не в пользу потерпевших граждан.

Приведенные аргументы с очевидностью свидетельствуют о том, что в соответствии с действующим законодательством и существом рассматриваемых ситуаций потерпевшими по возбуждаемым уголовным делам должны признаваться и гражданин, и банк. При этом имущественный ущерб должен быть признан нанесенным банку, а моральный (или моральный и физический) — гражданину. Одним из аргументов, выдвигаемых против этого утверждения банками, является то, что их представители в таких случаях не подают заявлений в полицию и уголовные дела возбуждаются на основании заявлений потерпевших — граждан, которые, по распространенному на практике заявлению банков, и должны признаваться таковыми.

Обратим внимание на п. 3 Постановления КС РФ от 12.05.2022 № 18-П, в котором, в частности, говорится: «Как подчеркнул КС РФ, поскольку вредные последствия в виде физического, имущественного, морального вреда возникают с момента их причинения конкретному лицу, это лицо, по существу, является потерпевшим в силу самого факта причинения ему преступлением вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его потерпевшим». Поэтому в соответствии с п. 1 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (УПК), на основании заявления обманутого мошенниками гражданина должно быть возбуждено уголовное дело, по которому на основании п. 1 ст. 42 УПК наряду с гражданином, понесшим моральный ущерб, потерпевшим должен быть признан и банк как юридическое лицо, имуществу которого преступлением причинен вред.

2.3. Обоснованность применения статьи 177 Гражданского кодекса РФ

Ошибкой будет и апелляция отстаивающих свои права потерпевших к нормам ст. 177 ГК («Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими») со ссылками на совершение потерпевшим действий якобы под гипнозом, при нахождении в неадекватном психическом состоянии и т. п. Прежде всего, «хищение имущества, совершенное путем применения гипноза, следует квалифицировать по ст. 162 УК как разбой, а завладение правом на имущество в результате применения гипнотического внушения к потерпевшему — как вымогательство, а не мошенничество, не являющееся по существу насильственным деянием» (Бархатова 2013, 62).

Что же касается определения психического состояния потерпевшего на момент совершения им действий в результате обмана со стороны мошенников, то здесь характерно, например, Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.10.2022 по делу № 88-26445е/2022:

В рассматривавшейся кассационной жалобе ФИО1 поставлен вопрос об отмене решения суда первой инстанции и апелляционного определения ввиду нарушения норм материального и процессуального права. Кассатор указывает, что судами первой и апелляционной инстанции не принято во внимание, что при заключении оспариваемых кредитных договоров она находилась под влиянием гипноза и ложных убеждений, а также психологическим давлением группы мошенников, что свидетельствует об их ничтожности. Судами проигнорирован тот факт, что, кроме денежных средств, которые ФИО1 взяла в кредитных организациях, она перевела мошенникам также все свои сбережения, которые у нее имелись на счете, в размере 475 000 руб. Полагает, что судами должным образом не исследовано постановление следователя Следственного управления Московского управления МВД России «Новочеркасское» о возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК, в рамках которого ФИО1 признана потерпевшей. Выражает несогласие с заключением судебной экспертизы, указывая на неполноту проведенного исследования.

<...> Согласно выводам судебной психолого-психиатрической экспертизы... от 03.09.2021, выполненной комиссией экспертов, ФИО1 хроническим психическим расстройством, временным психическим расстройством, слабоумием или иным болезненным состоянием психики в юридически значимый период (в момент оформления

оспариваемых кредитных договоров) и в настоящее время не страдала и не страдает. Выводы комиссии подтверждаются анамнестическими сведениями и результатами настоящего обследования, выявившего способность подэкспертной, начиная с раннего детства, периода обучения в школе, в течение последующей жизни и в настоящее время к выполнению своих биологических и социальных функций соответственно возрасту, полу и уровню развития. При настоящем обследовании у ФИО1 выявлены сохранность процессов восприятия, мышления, интеллекта. По уровню своего интеллектуального развития она способна адекватно ситуации прогнозировать свои действия, предвидеть и осознавать их последствия. У нее нет болезненных нарушений в волевой сфере, нет психических расстройств, полностью сохранены критические способности, не нарушены адаптационные способности к ситуациям, она способна произвольно и осознанно изменять свое поведение в зависимости от окружающих условий. В период оформления оспариваемых кредитных договоров ФИО1 также не обнаруживала признаков какого-либо временного психического расстройства. Об этом свидетельствуют объективные сведения из материалов гражданского дела о сохранности у нее в тот период ориентировки, речевого контакта с окружающими, целенаправленности ее действий, при отсутствии признаков рассеянного сознания, какой-либо галлюцинаторно-бредовой симптоматики и забывания происшедшего. По своему психическому состоянию ФИО1 понимала и понимает в настоящее время значение своих действий, могла и может руководить ими.

<...> Из положений ст. 177 ГК следует, что основанием признания сделки недействительной является фактическая недееспособность лица, совершающего сделку.

Применительно к приведенным выше правовым положениям судами нижестоящих инстанций, вопреки доводам ФИО1, факт временного психического расстройства в момент заключения кредитных договоров установлен не был.

Таким образом, как верно отмечено судами нижестоящих инстанций, доказательств, подтверждающих, что ФИО1 в момент совершения сделок находилась в таком состоянии, когда она не была способна понимать значение своих действий или руководить ими под влиянием обмана, насилия, угрозы или стечения тяжелых обстоятельств, под влиянием заблуждения, в нарушение положений ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ не представлено.

Кроме того, судебная коллегия соглашается с выводами судов о том, что сам по себе факт возбуждения уголовного дела в отношении неустановленных лиц, которым ФИО1 были перечислены денежные средства, не подтверждает факта поножуждения АО «Альфа-Банк» и ПАО «Сбербанк» ответчика к заключению кредитных договоров, заключения их под влиянием заблуждения и обмана со стороны банков, в связи с чем доводы кассатора в указанной части также подлежат отклонению.

Как видим, суд, вынося определение относительно требования о признании договора, оформленного потерпевшей под влиянием обмана мошенников, принимает во внимание только отсутствие обмана со стороны работников банка, как будто не замечая, что в связи с произошедшим возбуждено уголовное дело. Наряду с этим заключение экспертизы о том, что потерпевшая является психически здоровой, рассматривается судом как основание для отклонения ее требований. Вместе с тем речь идет не об обмане потерпевшей работниками банка, но о введении ее в заблуждение мошенниками, по признакам состава преступления которых возбуждено уголовное дело, в рамках которого заявитель признана потерпевшей.

Обман — это психическое состояние человека (нахождение его в состоянии умышленного введения в заблуждение), но не его психическая патология.

Психическое состояние — один из элементов жизнедеятельности человека, на психологическом уровне обеспечивающий специфическое восприятие окружающего мира. Согласно ставшему классическим определению Н.Д. Левитова, психическое состояние — это «целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и свойств личности. [Психические состояния человека отражают], с определенной степенью адекватности, реальную жизненную и трудовую ситуацию и отношение субъекта, а также вовлекают в процесс разрешения проблемной жизненной (или трудовой) ситуации психические процессы и личностные свойства — мотивационную и эмоционально-волевую сферу, характерологические черты» (Левитов 1964, 20).

Как мы отмечали выше, именно на формирование воли потерпевшего к совершению определенных действий, относительно истинного значения которых он вводится в заблуждение, и направлен обман. Обмануть скорее можно именно здорового человека, используя определенные качества его личности, нежели психически больного индивида. Сложно представить мошеннический обман в сфере кредитования, который мы обсуждаем, в отношении недееспособного лица. Как отмечают специалисты Центрального банка РФ, пострадать от действий финансовых мошенников может любой человек, независимо от его возраста и статуса. Опрос Банка России позволил сформировать среднестатистический портрет клиента банка, наиболее уязвимого для обмана: возраст от 25 до 44 лет; проживает в городе (75 %) или сельской местности (25 %); работающие мужчина (50,4 %) или женщина (49,6 %); преимущественно со средним уровнем дохода (46,5 %) (высокий уровень дохода — 27,7 %, низкий — 25,8 %) и преимущественно средним (48 %) или высшим (28,9 %) образованием; активно пользуется банковскими онлайн-сервисами⁵. Таким образом, мы видим здесь отнюдь не лиц, не понимающих значение своих действий и не способных руководить ими.

Вместе с тем именно психолого-психиатрическая экспертиза, отвечая на соответствующим образом поставленные предварительным следствием или судом вопросы, способна установить нахождение психически здорового человека в состоянии заблуждения под воздействием направленных на него обманных действий мошенников. Возможность этого определяется, в частности, Порядком проведения судебно-психиатрической экспертизы, утв. Приказом Минздрава России от 12.01.2017 № 3н, согласно п. 10 которого «психиатрическое исследование включает сбор объективного анамнеза... об особенностях психического состояния и поведения во время производства судебно-психиатрической экспертизы *и в период действий, по поводу которых ведется производство по данному делу* (курсив наш. — М. П., В. К., Т. Т.)». Здесь, как отмечают Б.П. Смагоринский и А.В. Сычева, все зависит от должной постановки вопросов перед экспертизой со стороны следствия (Смагоринский, Сычева 2014, 6).

В связи с этим нельзя не обратить внимания на позитивную динамику работы следствия в данном направлении, наметившуюся буквально в последнее время при ведении дел по мошенничеству в сфере потребительского кредита. В качестве

⁵ «Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций». Банк России. 14.02.2023. Дата обращения 8 марта, 2025. https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey_2022.

примера можно привести Постановление от 13.06.2023 по упомянутому выше уголовному делу № 12201140009005596 следователя Следственного управления УМВД России по Невскому району г. Санкт-Петербурга В. А. Мартинкенас о назначении амбулаторной комплексной психолого-психиатрической экспертизы потерпевшего. В постановлении отмечается:

Учитывая особенности поведения потерпевшего Ф.И.О. в период совершения в отношении него преступления, следствие считает необходимым установить психологическое состояние потерпевшего Ф.И.О., степень влияния на его поведение в период совершения в отношении него преступления... в связи с чем следствие полагает необходимым применить специальные знания в области судебной психиатрии и судебной психологии с привлечением врача-психолога.

В числе вопросов, поставленных В. А. Мартинкенас перед экспертами, были следующие:

- каковы индивидуальные психологические особенности потерпевшего;
- с учетом выявленных психологических особенностей, мог ли потерпевший правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела;
- имеются ли признаки внушаемости, подчиняемости у потерпевшего;
- мог ли потерпевший понимать характер и значение совершенных в отношении него противоправных действий и оказывать сопротивление в период совершения в отношении него преступления?

Такая постановка вопросов перед экспертом отражает именно признание возможности введения преступниками в заблуждение абсолютно здорового и отдающего отчет своим действиям лица, обманутого, однако, относительно их подлинного значения, что способно сформировать порок его воли и обусловить противоречие между его истинной волей и демонстрируемым им волеизъявлением.

2.4. Позитивная динамика

Первым свидетельством возможных будущих изменений в судебной практике по делам о мошенничестве в сфере потребительского кредита стало Определение КС РФ от 13.10.2022 № 2669-О, в котором, в частности, обращалось внимание на особую ответственность банков как профессиональных участников финансового рынка за обеспечение соблюдения законодательства при осуществлении соответствующих операций:

В большинстве случаев телефонного мошенничества сделки оспариваются как совершенные под влиянием обмана потерпевшего третьим лицом. При рассмотрении таких споров особого внимания требует исследование добросовестности и осмотрительности банков. В частности, к числу обстоятельств, при которых кредитной организации в случае дистанционного оформления кредитного договора надлежит принимать повышенные меры предосторожности, следует отнести факт подачи заявки на получение клиентом кредита и незамедлительной выдачи банку распоряжения о перечислении кредитных денежных средств в пользу третьего лица (лиц).

Данная позиция КС РФ отражена в Определении ВС РФ от 17.01.2023 № 5-КГ22-121-К2, где отмечена обязанность судов давать «оценку добросовестности поведения банка, обязанного учитывать интересы потребителя и обеспечивать

безопасность дистанционного предоставления услуг, хотя это имело существенное значение для разрешения спора, а на недобросовестное поведение банка истец ссылаясь в обоснование своих требований».

Вместе с тем в процитированных выше документах обращает на себя внимание общее для них рассмотрение обсуждаемых дел как гражданских отношений между банками и истцами — потерпевшими, оспаривающими действительность подписанных ими под воздействием мошеннического обмана документов кредитных договоров, когда статус обеих сторон этих отношений как потерпевших от преступных действий мошенников должен лишать их необходимости гражданских исков друг к другу. Подчеркнем, даже в случае безналичного перевода мошенникам суммы полученных от банка по оформленным в результате обмана документам средств имеет место мошенническое хищение денег у банка, но не у потерпевшего гражданина. Общие нормы УК о мошенничестве «вполне справляются с задачей» должной квалификации таких ситуаций (Петрякова 2021, 85), обладая свойством универсальности по отношению к динамике социальной действительности (Зорькин 2020).

Вся необходимая аргументация этой единственно верной в данном случае позиции приведена нами выше. Однако залогом возможности отстаивания ее в суде могут быть только надлежащая квалификация таких преступлений и определение потерпевших по ним органами предварительного следствия и судами. Среди самых значимых за последнее время шагов в направлении обеспечения должной защиты прав потерпевших от преступлений в области потребительского кредитования следует назвать изменение в результате усилий Прокуратуры Санкт-Петербурга определения круга потерпевших по уголовным делам о мошенничестве в сфере потребительского кредитования. Одним из первых примеров этих изменений — упомянутое выше уголовное дело № 12201400009005596, потерпевший по которому обратился к прокурору Санкт-Петербурга В.Д. Мельнику.

При возбуждении уголовного дела постановлением следователя Следственного управления УМВД по Невскому району г. Санкт-Петербурга единственным потерпевшим по делу традиционно был признан обманутый мошенниками гражданин, ставший инструментом их преступления. Вместе с тем после обращений потерпевшего к депутату Государственной Думы РФ А.Г. Аксакову и прокурору Санкт-Петербурга В.Д. Мельнику Прокуратура Невского района Санкт-Петербурга провела проверку по поручению Прокуратуры Санкт-Петербурга. В результате 23.02.2023 Начальник Следственного управления УМВД России по Невскому району Санкт-Петербурга в порядке ведомственного контроля отменил постановление следователя от 17.12.2022 о признании введенного в заблуждение мошенниками гражданина как незаконное и необоснованное. Вновь рассмотрев материалы уголовного дела № 12201400009005596, следователь Р.В. Куницын отметил:

В результате расследования установлено, что 16.12.2022 около 18 часов 00 минут неустановленные лица, находясь в неустановленном месте, умышленно из корыстных побуждений, путем обмана, представившись сотрудниками службы безопасности Банка ВТБ (ПАО), убедили Ф.И.О. взять на себя обязательства в виде кредита в Банке ВТБ (ПАО) на сумму 4 578 743 руб., оформленного на имя Ф.И.О., а после чего похитили денежные средства в размере 3 386 100 руб., *причинив своими действиями Банку ВТБ (ПАО) материальный ущерб в особо крупном размере на указанную сумму, а также причинив Ф.И.О. моральный ущерб (курсив наш. — М.П., В.К., Т.Т.).*

Таким образом, правоохранительные органы дали принципиально новую для практики последних лет квалификацию фактов мошенничества в сфере потребительского кредитования, соответствующую нормам действующего законодательства и существу дела. Эта квалификация дает все основания утверждать, что действия потерпевшего не являлись заключением кредитного договора с Банком ВТБ (ПАО), а сам потерпевший стал инструментом совершения уголовного преступления, понеся от действий мошенников моральный ущерб. Такую квалификацию последствий данного преступления поддержали Следственный департамент МВД РФ в Письме от 24.03.2023 № 3/237705056012, а также Прокуратура Невского района Санкт-Петербурга в Заключении от 18.04.2023 № 869ж-2023/Он1871-23 по результатам прокурорской проверки, проведенной по поручению Прокуратуры Санкт-Петербурга от 27.03.2023 № 16/4-р-9196-23/10097.

По нашему убеждению, именно такая квалификация последствий совершенных преступлений мошенничества в сфере потребительского кредитования способна обеспечить защиту потерпевшего от преступных деяний, гарантируемую гражданам России ст. 52 Конституции РФ.

3. Выводы

Решение проблемы катастрофического роста мошенничества в области потребительского кредитования возможно только посредством создания и обеспечения таких условий функционирования финансовых рынков страны, которые служили бы *предотвращению* совершения соответствующих преступлений. В современных условиях технологическое обеспечение механизмов совершения подобных противоправных деяний максимально дистанцирует (буквально географически) злоумышленников от места совершения преступления. В последнее время преступники, совершающие такое мошенничество, часто находятся за пределами России. Как ни прискорбно, данная ситуация приводит к тому, что законное наказание лишается надлежащей степени действенности как мера предотвращения преступлений.

Безусловно, надлежащая правовая квалификация последствий уже совершенных преступлений, направленная на защиту конституционных прав потерпевших граждан, — это действие *постфактум*. Однако именно полностью обоснованная и законная квалификация банков как материально потерпевших в результате преступлений мошенничества, направленных на хищение у них денежных средств, способна стать значимым фактором активного вовлечения банков как профессиональных участников финансового рынка, обладающих и кадровыми, и технологическими ресурсами, многократно превосходящими возможности злоумышленников, в активное противодействие данному виду преступлений.

Надлежащая квалификация последствий рассматриваемых преступлений способна положить конец порочащей систему отечественного правосудия практики перекалывания многомиллиардных убытков банков от противоправных действий мошенников на плечи пострадавших от преступлений добросовестных граждан, оказывающихся беззащитными в противостоянии с крупнейшими банковскими корпорациями. Только в условиях активизации социальной ответственности банков перед клиентами принимаемые сегодня органами законодательной

и исполнительной власти меры борьбы с мошенничеством в сфере кредитования могут стать подлинно успешными, предоставив должную защиту конституционных прав многих тысяч граждан, страдающих в настоящее время от таких преступлений.

Библиография

- Бархатова, Е. Н. 2013. «Особенности квалификации преступлений против собственности, совершаемых с применением гипноза к потерпевшему». *Психопедагогика в правоохранительных органах* 3: 60–62.
- Гаджиев, Н. Г., О. В. Киселева, С. А. Коноваленко, О. В. Скрипкина. 2020. «Судебно-экономическая экспертиза мошенничества в кредитно-финансовой сфере». *Вестник Астраханского государственного технологического университета. Сер.: Экономика* 2: 89–99.
- Головин, А. Ю., Е. В. Головина. 2021. «Социальная инженерия в механизме преступной деятельности в сфере информационно-коммуникационных технологий». *Известия Тульского государственного университета. Юридические науки* 2: 3–13.
- Зорькин, В. Д. 2020. «Право будущего в эпоху цифр». *Российская газета* 16 апр., № 83 (8137).
- Левитов, Н. Д. 1964. *О психических состояниях человека*. М.: Просвещение.
- Машинникова, Н. О. 2018. «Понятие обмана в уголовном законодательстве России: сравнительно-правовой аспект». *Вестник Удмуртского университета* 28 (3): 428–436.
- Оленников, С. М. 2018. «Соотношение гражданско-правового и уголовно-правового регулирования имущественных отношений на примере квалификации сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия и угроз». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 383–396. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.308>
- Петрякова, Л. А. 2021. «Юридический анализ составов мошенничества в банковской сфере». *Сибирский юридический вестник* 2 (93): 80–85.
- Поймонова, Л. А. 2018. «Мошенничество в банковской сфере: понятие, признаки, виды». *Сибирский юридический вестник* 2 (81): 84–89.
- Покровский, И. А. 1998. *Основные проблемы гражданского права*. М.: Статут.
- Пристансков, В. Д. 2018. «Событие преступления как объект криминалистического познания». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 78–90. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.106>
- Репецкая, А. Л., Л. А. Петрякова. 2022. «Криминологический анализ современного состояния мошенничества в банковской сфере России». *Вестник Омского университета. Сер.: Право* 1 (19): 62–72.
- Смагоринский, Б. П., А. В. Сычева. 2014. «Типичные версии по делам о мошенничествах, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан». *Вестник Волгоградской Академии МВД России* 1 (28): 6–15.
- Тужилова-Орданская, Е. М., В. Е. Лукьяненко. 2019. «Конвалидизация недействительных сделок в российском праве». *Вестник Пермского университета. Юридические науки* 45: 519–539.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 30 июля 2024 г.

Контактная информация:

Пятов Михаил Львович — д-р экон. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0002-6897-0658>,
m.pyatov@spbu.ru.

Ковалев Виталий Валерьевич — д-р экон. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0001-7696-3741>,
v.v.kovalev@spbu.ru.

Татаренко Тамара Геннадьевна — tattamara.88@mail.ru

Legal content of fraud in the field of consumer lending. Part two*

M. L. Pyatov¹, V. V. Kovalev¹, T. G. Tatarenko²

¹ St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² St. Petersburg City Bar Association,

53, Nevsky pr., St. Petersburg, 191025, Russian Federation

For citation: Pyatov, M. L., V. V. Kovalev, T. G. Tatarenko. 2025. “Legal content of fraud in the field of consumer lending. Part two”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 77–94. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.106> (In Russian)

The article, based on an analysis of the practice of preliminary investigation and judicial practice that has developed in Russia in recent years in qualifying fraud in the field of consumer lending, substantiates the possibility of proving the status of injured citizens through a psychological and psychiatric examination that determines their mental state at the time of the commission of criminal acts against them. The role of proper qualification of fraud in the field of consumer credit is considered as a significant tool for stabilizing the functioning of financial markets in modern Russia. It is emphasized that it is the justified qualification of banks as financial victims as a result of fraud crimes, the purpose of which is the theft of funds from them, can become a significant factor in the active involvement of banks as professional participants in the financial market in actively combating this type of crime. The dynamics of law enforcement practice to protect the rights of victims of fraud in the field of consumer lending are characterized. It is shown that the key to the possibility of proper protection of their rights in court can only be the proper qualification of such crimes and the identification of victims by the preliminary investigation authorities and courts. The most significant recent step towards ensuring proper protection of the rights of victims of fraud crimes in the field of consumer lending is characterized by a change, as a result of the efforts of the St. Petersburg Prosecutor's Office, in determining the circle of victims in criminal cases of fraud in the field of consumer lending. The necessity of adjusting the current judicial practice in the field of fraud in this area, which is developing in contradiction to the provisions of the Constitution of the Russian Federation, is proved.

Keywords: fraud, credit, victim, property damage, moral damage, constitution, legality, corporation, unity of court, instrument for committing a crime.

References

- Barkhatova, E. N. 2013. “Features of the qualification of crimes against property committed with the use of hypnosis to the victim”. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* 3: 60–62. (In Russian)
- Gadzhiev, N. G., O. V. Kiseleva, S. A. Konovalenko, O. V. Skripkina. 2020. “Forensic economic examination of fraud in the credit and financial sphere”. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* 2: 89–99. (In Russian)
- Golovin, A. Yu., E. V. Golovina. 2021. “Social engineering in the mechanism of criminal activity in the field of information and communication technologies”. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Iuridicheskie nauki* 2: 3–13. (In Russian)
- Levitov, N. D. 1964. *On the mental states of a person*. Moscow, Prosveshchenie Publ. (In Russian)
- Mashinnikova, N. O. 2018. “The concept of deception in Russian criminal law: A comparative legal aspect”. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* 28 (3): 428–436. (In Russian)

* See the first part: Pyatov, M. L., V. V. Kovalev, T. G. Tatarenko. 2024. “Legal content of fraud in the field of consumer lending. Part one”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 335–353. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.202> (In Russian)

- Olennikov, S. M. 2018. "The ratio of civil and criminal law regulation of property relations on the example of qualification of transactions, made under the influence of deception, violence and threats". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 383–396. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.308> (In Russian)
- Petriakova, L. A. 2021. "Legal analysis of the composition of fraud in the banking sector". *Sibirskii iuridicheskii vestnik* 2 (93): 80–85. (In Russian)
- Poimonova, L. A. 2018. "Fraud in the banking sector: Concept, signs, types". *Sibirskii iuridicheskii vestnik* 2 (81): 84–89. (In Russian)
- Pokrovskii, I. A. 1998. *Main problems of civil law*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Pristanskov, V. D. 2018. "The event of crime as object of criminalistic knowledge". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 78–90. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.106> (In Russian)
- Repetskaia, A. L., L. A. Petriakova. 2022. "A criminological analysis of the current state of fraud in the Russian banking sector". *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* 1 (19): 62–72. (In Russian)
- Smagorinskii, B. P., A. V. Sycheva. 2014. "Typical versions of cases of fraud committed against socially vulnerable categories of citizens". *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii* 1 (28): 6–15. (In Russian)
- Tuzhilova-Ordanskaia, E. M., V. E. Lukianenko. 2019. "Convalidation of invalid transactions in Russian law". *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki* 45: 519–539. (In Russian)
- Zorkin, V. D. 2020. "The law of the future in the age of numbers". *Rossiiskaia gazeta* April 16, no. 83 (8137). (In Russian)

Received: February 28, 2024

Accepted: July 30, 2024

Authors' information:

Michael L. Pyatov — Dr. Sci. in Economics, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-6897-0658>, m.pyatov@spbu.ru.

Vitaly V. Kovalev — Dr. Sci. in Economics, Professor; <https://orcid.org/0000-0001-7696-3741>, v.v.kovalev@spbu.ru.

Tamara G. Tatarenko — tattamara.88@mail.ru